

СТАНОВЛЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ/НЕ-ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Н.С. Жукова

Аннотация. Рассматривается становление морфологической категории волеизъявления/не-волеизъявления в процессе развития немецкого языка, что объясняет статус императива в современном языке как одного из членов данной категории, образовавшейся в рамках категории наклонения в результате перестройки всей модальной системы немецкого языка.

Ключевые слова: категория, модальность, оппозиция, волеизъявление/не-волеизъявление, эвидентность/неэвидентность, реалис, ирреалис.

В отечественной и зарубежной германистике нет единства мнений относительно системной значимости императива в современном немецком языке. Его статус в категории наклонений и значение интерпретируются по-разному:

– в соответствии с традиционной точкой зрения императив трактуется как член трехчленной оппозиции категории наклонения: индикатив/императив/конъюнктив [1–6];

– императив образует вместе с индикативом и конъюнктивом иерархическую систему оппозиций: первая оппозиция существует между императивом и неимперативом, в рамках последнего индикатив противостоит конъюнктиву [7. С. 78; 8. С. 111];

– императив объединяется с индикативом и комментативом (конъюнктивом косвенной речи по традиционной терминологии) в наклонение реалис, которое противостоит наклонению ирреалис (конъюнктиву II по традиционной терминологии) [9];

– императив вообще не рассматривается в глагольной парадигме [10. С. 68].

Решение данного спорного вопроса теории наклонений осложняется тем, что в современном немецком языке значение императива – побудительность – совпадает со значением синтаксической структуры, в которой он употребляется, с целеустановкой предложения. Структурная связанность императива с побудительной структурой предложения обуславливает различную трактовку модального статуса императива как средства выражения побудительности (или волеизъявления)¹ в связи со спорной трактовкой значения побудительности:

– значение побудительности как и значения повествовательности и вопросительности рассматривается как модальное, характерное для предложения как коммуникативной единицы [12. С. 127];

– значение цели высказывания (побуждение/сообщение/вопрос) не считается значением модальным [13];

– значение побудительности исключается из категории целеустановки предложения и относится к модальным значениям [14].

Представленные противоречивые мнения о значении побудительности показывают, что остается неясным, является ли императив средством выражения модальности или средством выражения побудительной целеустановки предложения.

Также в германистике нет единства мнений по вопросу о составе парадигмы императива в современном немецком языке:

– традиционно к формам императива относят формы 2-го л. ед. ч. (*komm!*) и формы 1-го (*Kommen wir!*) и 2-го л. (*Kommt (ihr)!*) мн. ч. [1–8, 10, 11];

– в парадигму императива наряду с формой 2-го л. ед. ч. входит также форма 3-го л. презенса конъюнктива (*komme (er)*), которая по своему происхождению является формой оптатива [9];

– парадигма императива считается восьмичленной [15].

Таким образом, вопрос о статусе императива в современном немецком языке остается одним из спорных в теории наклонений и его решение непосредственно связано с тем, как трактуется категория наклонения. Поэтому анализ становления категории наклонения в процессе развития немецкого языка позволяет прояснить проблему о составе данной категории и её членов и, следовательно, в определённой мере решить поставленные выше спорные вопросы о значении и статусе императива в современном немецком языке.

За основу такого анализа принимается система готского языка, единственного из германских языков, сохранившего наиболее древние письменные памятники и выступающего в связи с этим в работах сравнительно-сопоставительного характера основой сопоставления [9, 16].

Из текстов готской библии следует, что категория наклонения в готском языке представляла собой трёхчленную оппозицию: индикатив/оптатив/императив.

Индикатив употреблялся в готском языке для обозначения действий, происходящих в настоящий момент: *amen auk qīpa izwis...* – *Mat. V, 18* – ‘Истинно **говорю** вам...’; *hvar ist gazds þeins, dauþu?* – *I. Kor. XV, 55* – ‘Где же твоё жало, смерть?’ или происходивших в прошлом: *tanne sums aihta twans sununs.* – *Luk. XV, 11* – ‘У одного человека **было** двое сыновей’; *hvas mis taitok?* – *Mrk. V, 31* – ‘Кто **коснулся** меня?’ Индикатив выражал не только значения настоящего и прошедшего, но и значение будущего. Для выражения будущего употреблялась форма настоящего времени, так как формы будущего времени в готском языке не было: *...tanagai fram urrunsa jah saggqa qimand...* – *Mat. VIII, 11* – ‘...многие **придут** с востока и запада...’; *tanagai qīband mis in jainatma daga...* – *Mat. VII, 22* – ‘Многие **скажут** мне в те дни...’.

Императив выражал в готском языке приказ, повеление, требующее немедленного исполнения со стороны слушающего: *ip jabai augo þein þata taihswa marzjai þuk usstagg ita jah wairp af þus.* – *Mat. V, 29* – ‘И если пра-

вый глаз твой соблазняет тебя, **вырви** его и **выбрось** прочь'. Реже императив употреблялся для выражения просьбы: ...*jah aflet uns þatei skulans sijaima*. – *Mat. VI, 12* – '...и **прости** нам долги наши'.

Употребление императива ограничивалось синонимичным использованием оптатива. В 3-м л. императив встречался редко: *Xristus, sa þiudans Israelis, atsteigadau nu af þamma galgin* – *Mrk. XV, 32* – 'Христос, царь Израилев, **нусть сойдёт** теперь с креста', и имела место его замена на оптатив при выражении пожелания. Ср.: *liuhþjai* (презенс оптатива) *liuhþ izwar* – *Mat. V, 16* – '**нусть светит** ваши светильник'. В 1-м л. мн. ч. для выражения приглашения к совместному действию употреблялся как императив: *usleiþam* (императив) *jainis stadis* – *Mrk. IV, 35* – '**неперевимся** на ту сторону', так и оптатив: *swe in daga garedaba gaggaima* (презенс оптатива) – *Röm. XIII, 13* – 'как днём **станем ходить**'.

Приведённые примеры показывают, что в 3-м л. обычно высказывалось пожелание, поэтому в данной форме, как правило, использовался оптатив. В форме 1-м л. мн. ч. высказывалось приглашение к совместному действию, а не приказ, что обуславливало употребление как императива, так и оптатива. Таким образом, в готском языке отсутствовало чёткое разграничение функций оптатива и императива. Исследования М.М. Гухман, Л.С. Ермолаевой и В. Брауне, также подтверждают отсутствие чёткой границы между функциями императива и оптатива [9, 16, 17].

В простом предложении формы презенса оптатива употреблялись как для выражения выполнимого пожелания: ...*sijaiþ-þan waurd izwar: ja, ja; ne, ne;* – *Mat. V, 37* – '**Да будет** слово ваше: «да, да»; «нет, нет»', так и для выражения предписания: ...*sijais waila hugjands andastauin þeinamma sprauto...* – *Mat. V, 25* – '**Мирись** с соперником твоим скорее...'. Особую сферу употребления представляли собой потенциальный оптатив, выражавший возможность: *hvaiwa sijai* (презенс оптатива) *þata, þandei aban ni kann?* – *Luk. I, 34* – '**Как же может быть** это, если я мужа не знаю?', и дубитативный оптатив, выражавший сомнение: ...*nibai usqimai* (презенс оптатива) *sis silbin...* – *Jhn. VIII, 22* – '**неужели убьёт** самого себя...'

Оптатив употреблялся в различных типах придаточных предложений, сохраняя при этом основные значения, характерные для него в простом предложении. В придаточных дополнительных оптатив используется для передачи чужой речи: *jus qibiþ þatei wajamerjau...* (презенс оптатива) – *Jhn. X, 36* – '**Вы говорите, что я богохульствую...**'; ...*ei hvas ni qibaþ þatei in meinamma nam in daupidedjau* (претерит оптатива) – *I. Kor. I, 15* – '**...чтобы не сказал кто-либо, что крестил** моим именем...'. Однако последовательного оформления косвенной речи формами оптатива в готских текстах не отмечено.

Из приведённых выше примеров следует, что индикатив употреблялся в повествовательных и в вопросительных предложениях и обозначал действия *действительные*. Императив выражал приказ, просьбу, т.е. действия возможные, желательные – *недействительные*. Оптатив являлся

средством выражения выполнимого пожелания. Формы презенса оптатива могли выражать также предписание, запрет, потенциальную возможность (в том числе и в придаточных предложениях), будущее с оттенком долженствования или сомнения, т.е. формы оптатива выражали *недействительные действия*.

Таким образом, в готском языке в основе категории наклонения лежало семантическое противопоставление «*действительность* (эвидентность)/*недействительность* (неэвидентность)».

В письменных памятниках готского языка встречаются примеры употребления претерита оптатива в значении нереального желания: (1) *ei wainei uspulaidedeiþ meinaizos leitil...* – II. Kor. XI, 1 – ‘*О если бы вы были немного снисходительными...*’ или нереальной обусловленной возможности: (2) *in garda attins meinis salipwos managos sind; aþþan niba weseina, aiþþau qeþjau du izwis...* – Jhn. XIV, 2 – ‘*В доме отца моего обитателей много; а если было бы не так, я сказал бы вам...*’; (3) *jabai in Saudaumjam waurþeina mahteis þos waurþanons in izwis, aiþþau eis weseina und hina dag.* – Mat. XI, 23 – ‘*Если бы в Содоме произошло то, что произошло у вас, он бы стоял по сей день*’. Большинство германистов интерпретируют вышеуказанные формы как претерит оптатива [16, 17]. Однако из примеров (1–3) видно, что форма, совмещающая в себе маркеры претерита и оптатива (показателем оптатива является суффикс *-ei-* [i:]), может употребляться как для выражения прошедшего времени (3), так и для выражения настоящего (1–2), т.е. претерит оптатива выражает не временное значение, а значение *нереальности*, что свидетельствует о зарождении новой грамматической формы с нереальным значением.

В древневерхненемецком языке императив выражал приказ или просьбу: *Quemet inti gisehet...* – T. 16, 2 – ‘*Пойдите и увидите...*’; *Hilf, drúhtin, mir in nóti.* – O. III, 17, 63 – ‘*Помоги мне, господи, в нужде*’. Чаще всего императив встречается в форме 2-го л. ед. и мн. ч. Ср.: ...*giloubet in lioht...* – T. 139, 10 – ‘*...веруйте в свет...*’; *quid thaz these steina zi bróte uuerden.* – T. 15, 3 – ‘*Скажи, чтобы эти камни стали хлебом*’. В текстах Отфрида форма 2-го лица императива употребляется для выражения запрета: *ni laz quéman thaz io in múat min.* – O. V. 24, 7 – ‘*Не позволяй говорить, что в моей душе*’.

В 1-м л. мн. ч. для выражения побуждения к совместному действию употреблялась синкретичная форма императива-индикатива (о синкретизме см. [9]): *farames zi Bethleem inti gisehemes thaz uuort thaz thar gitân ist.* – T. 6, 4 – ‘*Пойдём в Вифлеем и посмотрим свершившееся слово*’. Формы 1-го л. мн. ч. индикатива и императива не совпадают только в текстах Отфрида [16. С. 284, 290], поэтому можно точно сказать, что в данном случае употребляется форма императива. Ср.: *Farames so thie ginoza ouh ándara straza.* – O. I, 18, 33 – ‘*Давайте поедем как спутники тоже по другой дороге*’.

В 3-м л. ед. и мн. ч. формы императива не употреблялись. В простом предложении в 3-м л. ед. и мн. ч. презенс оптатива выражал в большинстве случаев реальное пожелание: ...*thie thar habe orun zi horennē, hore!* – Т. 71, 6 – ‘...способный слышать **пусть услышит!**’ Во 2-м л. ед. и мн. ч. оптатив встречается редко. В «Татиане» он обозначает запрет: *nī slahes, nī huoros, nī tues thiuba.* – Т. 106, 2 – ‘**Не убивай, не прелюбодействуй, не кради**’. У Отфрида 2-е л. ед. и мн. ч. оптатива встречается только у глаголов, не имеющих формы императива. Ср.: ...*wizit tház...* – О. II. 21, 15 – ‘...**знайте** это...’. В текстах Ноткера были выявлены отдельные случаи употребления 2-го л. ед. ч. оптатива: *Noh in dīnemo zórne neirref-sêst du mih.* – N. Ps. I. 6, 2 – ‘**Но и в гневе твоём не наказывай** меня’.

Анализ памятников древневерхненемецкого языка показал, что в этот период преобладали формальные, а не семантические критерии выбора форм оптатива и императива. В 1-м л. мн. ч. и во 2-м л. ед. и мн. ч. в большинстве случаев использовался императив, а в 3-м л. ед. и мн. ч. – оптатив. В дальнейшем это привело, как будет показано ниже, к образованию единой парадигмы императива – оптатива.

Значения презенса оптатива в придаточных предложениях в древневерхненемецком языке мало чем отличаются от его значений в готском языке. В большинстве примерах сохраняется смысловая связь оптатива со значениями будущего: *so uuēnan so ih cusse ther ist iz...* – Т. 183, 2 – ‘**Кого я поцелую, тот и есть...**’, возможности: *wer findit untar mánne, mit wiu man gisálze iz thanne?* – О. II. 17, 8 – ‘**Кто из людей найдёт, чем её сделать (можно сделать) тогда солёной?**’ и желательности: ‘*So wér*’, *quad, ‘untar iu si, thaz er sūntiloser sí, ther werfe ...in sia then ériston stein*’. – О. III. 17, 39–40 – ‘**Кто** – сказал он, – ‘из вас без греха, тот **пусть** первым бросит ...в неё камень’.

Для передачи косвенной речи в древневерхненемецкий период употреблялись как оптатив, так и индикатив. В ряде примерах оптатив сохранял характерные для него значения: значение будущего (в придаточных предложениях): *Ist uns in thír giwissi, thaz unser stúbbi fulaz werde* (презенс оптатива) *avur súlih, soso iz was.* – О. V, 24, 11–12 – ‘**Мы разумом понимаем, что наш прах станет тем, чем был**’, значение нереальности: *Unde be diu sagent fabule daz in iuno stieze* (претерит оптатива) *aba himele.* – N. B. I. 760, 27 – ‘**Поэтому предания рассказывают, что Юнона столкнула его с неба...**’. В последнем примере после глагола «*sagen*» в главном предложении глагол в придаточном предложении стоит в претерите оптатива, так как речь идёт о легенде, т.е. о событиях нереальных с точки зрения говорящего. Однако в ряде случаев употребление оптатива можно рассматривать как средство передачи косвенной речи. Ср.: (1) *Spréchant thie liuti, thu sís* (презенс оптатива) *théro forasagono einér.* – О. III, 12, 17 – ‘**Люди говорят, что ты – один из пророков**’; (2) *Ni mohtun si gilouben, thaz ér gisâhi* (претерит оптатива). – О. III, 20, 75 – ‘**Они не могли поверить, что он прозрел**’. Из примеров следует, что презенс опта-

тива употребляется, когда в главном предложении используется форма презенса индикатива (1). Если в главном предложении стоит претерит индикатива, то в придаточном употребляется претерит оптатива (2). В данных примерах претерит оптатива сохраняет свои временные характеристики и не является средством выражения нереальности. Косвенную речь мог выражать и индикатив *...sîn sêlbes stimma sprah uns thaz, theiz sun sîn einigo was* (претерит индикатива). – *О. II, 3, 49* – ‘...его собственный голос сказал нам, что это **был** его сын’. Следовательно, презенс оптатива ещё не употреблялся регулярно в древневерхненемецкий период для выражения косвенной речи.

Сопоставительный анализ категории наклонения готского и древневерхненемецкого языков показал, что в отличие от готского языка, где оптатив выражал выполнимое пожелание, предписание, запрет, потенциальную возможность, будущее с оттенком долженствования или сомнения, в древневерхненемецком языке формы оптатива совсем не употребляются для выражения потенциальной возможности, а случаи выражения значения будущего единичны. Для выражения запрета в древневерхненемецком языке оптатив употребляется редко, эта функция переходит постепенно к императиву. Функцию выражения значений желательности, возможности, долженствования, т.е. внутренней модальности, берут на себя претерито-презентные глаголы [18], а сфера употребления оптатива в простом предложении сужается.

По сравнению с готским языком в древневерхненемецком возрастает частота употребления претерита оптатива для выражения нереальности: *guat wâri imo, thaz giboran ni wâri ther man.* – *T. 158, 6* – ‘Лучше **было бы**, если **бы** этот человек **не родился**’, что является одной из важнейших инноваций категории наклонения древневерхненемецкого языка и свидетельствует о зарождении нового наклонения – ирреалиса (конъюнктива II по традиционной терминологии). Форма ирреалиса постепенно втягивается в категорию наклонения; в древневерхненемецкий период в её основе лежит уже четырёхчленная оппозиция: индикатив/императив/оптатив/ирреалис (ср. [9]), в отличие от категории наклонения готского языка, которая была представлена трёхчленной оппозицией. Так как в этот период формы будущего времени ещё не сложились, индикатив обозначал действия *действительные*; ирреалис, оптатив, императив – *недействительные*.

Таким образом, основой категории наклонения в древневерхненемецком языке, как и в готском, является семантическое противопоставление «*действительность/недействительность*».

Анализ памятников показал, что в средневерхненемецком языке были представлены те же наклонения, что и в древневерхненемецком, а именно: индикатив, императив, оптатив.

Индикатив имел в этот период то же парадигматическое значение, что в древневерхненемецком языке. Он употреблялся в повествовательных и в вопросительных предложениях и выражал действия *действитель-*

ные в настоящем, прошедшем и будущем времени. Ср.: ...*Ein ritter sô gelêret was, daz er an den buochen las, swaz er dar an geschriben vant*; – А.Н. 1–3 – ‘рыцарь **был** таким образованным, что **читал** в книгах всё, что там **было** написано (всё, что находил написанное)’.

В отличие от индикатива оптатив в средневерхненемецком языке существенно ослабил свои позиции в простом предложении: его функции переходят к модальным глаголам, развивающимся из претерито-презентных глаголов [18]. Для выражения пожелания презенс оптатива употреблялся только в 3-м л.: ...*lob ich hie, sô lobe er dort*. – *W. V. 53, 32* – ‘...хвалю я здесь, так **пусть** он **хвалит** там’. Во 2-м л. ед. и мн. ч. побуждение выражает императив: ‘*Nu versprich ez niht ze sêre*’, *sprach aber ir tuoter dô...*’ – *Nib. 16* – “не **обещай** так много”, сказала ей тут мать’; “*saget mir, liebiu vrouwe, wer hât iu iht getân?*” – *Nib. 852* – “**Скажите** мне, любимая, кто обидел Вас?”. Из примеров следует, что между императивом и оптативом устанавливаются отношения дополнительной дистрибуции: во 2 л. ед. и мн. ч. волеизъявление выражается императивом, в 3-м л. – оптативом, т.е. формы оптатива дополнили парадигму императива.

Формы 1-го л. мн. ч. императива, презенса оптатива и индикатива совпадали, и приглашение к совместному действию выражала синкретичная форма с окончанием -en: ...*nû binden ûf die hêlme...* – *Nib. 1541* – ‘...**давайте оденем** шлемы...’.

Основной инновацией средневерхненемецкого периода является распад оптатива. Презенс оптатива утрачивает свойственные ему в простом предложении значения и становится средством выражения подчинения в придаточных предложениях. Формы оптатива употребляются в различных типах придаточных предложений, в том числе в предложениях, выражающих косвенную речь: ...*do in daz wart geseit, daz ez der kûnec waere...* – *Nib. 193* – ‘Тут им было сказано, что он король’. Косвенная речь в данном случае выражена претеритом оптатива, так как содержание представлялось говорящему гипотетичным. В следующем примере передаётся реальный факт, и, следовательно, оптатив является средством выражения косвенной речи, а не гипотетичности: ‘*Sifride und Kriemhilde wart beiden so geseit daz ritter komen waeren...*’ – *Nib. 740* – ‘**Зигфриду и Кримхильде тогда сообщили, что прибыли рыцари...**’.

В средневерхненемецкий период намечается преобразование форм оптатива в конъюнктив косвенной речи (в комментатив по терминологии Л.С. Ермолаевой [9]). Формы оптатива постепенно утрачивают функцию выражения гипотетичности и становятся средством выражения «чужой» речи. Наметившаяся в средневерхненемецкий период тенденция к приобретению оптативом (> комментативом) значения косвенности высказывания подкрепляется параллельным становлением в исследуемый период аналитической формы перфекта оптатива [19. С. 282–283].

Отличительной чертой модальной системы средневерхненемецкого языка становится регулярное употребление форм претерита оптатива для

выражения нереальности: *hete er sîn swert enhende, sô wære ez Hagenen tót...* – *Nib. 927, 3* – ‘...если **бы** у него в руках **был** меч, то Хаген **был бы** мёртв...’. В данный период начинается также развитие аналитической формы плюсквамперфекта (ср. [19. С. 284]), которая включается в парадигму ирреалиса, что обуславливает его дальнейшее вхождение в систему наклонений.

Таким образом, в средневерхненемецком языке в основе категории наклонения лежит четырёхчленная оппозиция: индикатив/императив/оптатив(> комментатив)/ирреалис. Индикатив выражал действия *действительные*, так как форма будущего времени ещё не сформировалась. Императив, оптатив (> комментатив), ирреалис обозначали действия *недействительные*. Семантической основой категории наклонения остаётся противопоставление «*действительность/недействительность*».

В ранненововерхненемецком языке завершается формирование класса модальных глаголов [18], которые берут на себя функцию оптатива в независимом предложении – функцию выражения внутренней модальности, присущую оптативу в предшествующие периоды развития немецкого языка. В придаточных предложениях происходит дальнейшее переосмысление модальной семантики оптатива. В данный период оптатив употребляется для передачи косвенной речи регулярно. Это свидетельствует о преобразовании оптатива в комментатив (конъюнктив косвенной речи): *...und hast die 24. Jar hero gemeinet, es sey alles Goldt, was glesset.* – *Fst. S. 117* – ‘...и 24 года считал, что всё то золото, что блестящее’. В XIV–XV вв. завершается развитие аналитической формы перфекта оптатива [19. С. 283], что закрепляет позиции комментатива в системе наклонений. Распространение аналитических форм плюсквамперфекта оптатива и кондиционалиса [19. С. 290] свидетельствует об окончательном формировании парадигмы ирреалиса.

Передача значений внутренней модальности от претерито-презентных глаголов оптативу, его переосмысление, становление ирреалиса, вхождение формы будущего времени в парадигму индикатива привели к перестройке в системе наклонений и её переориентации с внутренней на объективную внешнюю модальность. Начиная с ранненововерхненемецкого периода, индикатив, в парадигму которого вошла форма будущего времени [19. С. 284; 20. С. 225], выражающая недействительность, становится средством выражения действий недействительных, но реальных. Реальными представляются «действия, не только осуществившиеся или осуществляющиеся в определённый отрезок времени, но и действия, реальность осуществления которых возможна, желательна, необходима или же только предполагается» [9. С. 70].

Комментатив, употребляемый для выражения косвенности высказывания, и императив, выражающий действия желательные и возможные, т.е. *недействительные*, являются, как и индикатив, средствами выражения *реальных* действий. По общему модальному значению реальности они

могут быть объединены в одно наклонение – реалис, которое противопоставлено наклонению ирреалис, выражающему *нереальность*. Нереальными являются «действия, не осуществившиеся либо неосуществимые в обозначенный отрезок времени (имплицитное отрицание), о которых, однако, условно говорится как об осуществившихся или осуществимых (отсутствие прямого указания на отрицание)» [9. С. 70].

Таким образом, начиная с ранненововерхненемецкого периода, основной категории наклонения становится семантическое противопоставление «*реальность/нереальность*», и категория наклонения принимает тот вид, в котором существует в современном немецком языке (см. [9]). В ранненововерхненемецком языке в основе категории наклонения лежит двухчленная оппозиция: реалис/ирреалис, где реалис представлен тремя компонентами: индикативом, императивом и комментативом, ирреалис – претеритальными формами конъюнктива.

Парадигматическое значение индикатива – реальность. В отличие от императива и комментатива, индикатив является основным средством выражения модальности реальности в повествовательных и вопросительных предложениях прямой речи. Он также может употребляться в повелительных предложениях и в предложениях косвенной речи. Парадигматическое значение комментатива – реальность. Он употребляется в предложениях косвенной речи и маркирует чужое высказывание, т.е. обозначает вид речи. Являясь компонентом реалиса, комментатив не имеет самостоятельного модального значения и его статус в системе наклонений современного немецкого языка становится понятным только при условии учета его происхождения из самостоятельного наклонения оптатива.

Императив является средством выражения реальности в повелительных предложениях, он обозначает незвидентность (недействительность), но реальность.

Как следует из вышеизложенного, индикатив и императив в рамках общего для них модального значения реальности объединены в одно наклонение реалис, но противопоставлены друг другу по значению побудительности (волеизъявления).

Отношение между индикативом и императивом в современном немецком языке является, в соответствии с принятым в отечественной германистике определением категории, оппозиционным. Следовательно, можно заключить, что в современном немецком языке есть все необходимые условия для выделения в его системе категории волеизъявления/неволеизъявления (или побудительности/непобудительности), а именно:

- обобщенное грамматическое значение – отношение к волеизъявлению;
- антонимичные значения «волеизъявления/не-волеизъявления», противопоставленные в рамках обобщенного значения;
- необходимые морфологические формы, выражающие эти противопоставленные значения. Ср.:

Не-волеизъявление/Волеизъявление	
Индикатив/Императив	Индикатив/Императив
(ich) <u>komme/komme</u> (ich)	<u>(wir) kommen/kommen</u> (wir)
(du) kommst/komm	<u>(ihr) kommt/kommt</u> (ihr)
(er) kommt/komme (er)	<u>(sie) kommen/kommen</u> (Sie)

Подчеркнутые формы трактуются автором статьи как синкретичные. «Синкретичная форма в морфологии есть укрупненная граммема. Как таковая она воспринимается на фоне дискретизма – различия соответствующих однородных граммем в другой части морфологической системы описываемого языка в соответствующий период его развития» [9. С. 39].

Синкретичные формы в приведенной выше микропарадигме морфологической категории волеизъявления/не-волеизъявления нейтральны в отношении значений волеизъявления и могут выражать в соответствующем контексте как значение волеизъявления (*Kommen wir zusammen!*), так и значение не-волеизъявления (*Wir kommen morgen.*). С учётом синкретичных форм морфологическая категория волеизъявления/не-волеизъявления в современном немецком языке имеет следующий вид:

Волеизъявление	/	Не-волеизъявление
(императив)		(индикатив)
komm	/	kommst
komme (er)	/	kommt

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ категории наклонения и, соответственно, значений императива в готском, древне-, средне- и ранненововерхненемецком языках позволил, с одной стороны, проследить становление данной категории в процессе развития немецкого языка, а с другой – дал возможность прояснить статус императива в системе наклонений, уточнить его значение и состав парадигмы. Являясь обязательным компонентом побудительной структуры предложения, т.е. структурно связанным, императив также представляет собой средство выражения побудительности. Однако это не означает, что значение побудительности носит модальный характер или императив не является членом категории наклонения.

Противопоставление реальность/нереальность (которое лежит в основе категории наклонения) и побудительность не являются противопоставлением однопорядковых сущностей. Понимая модальность реальности в широком смысле как несводимую к значению эвидентности, Л.С. Ермолаева показала, что побудительность является одним из значений неэвидентной реальности. «Императив обозначает отсутствие действия в действительности (модальность неэвидентности) и побуждение субъекта к его свершению (модальность реальности)» [9. С. 73]. В рамках общего

для индикатива и императива модального значения реальности императив противостоит индикативу по признаку волеизъявление/отсутствие волеизъявления. Коррелирующие формы императива и индикатива образуют в современном немецком языке морфологическую категорию волеизъявления/не-волеизъявления, в основе которой лежит двучленная оппозиция.

Примечание

¹ Значение императива определяется во многих грамматиках как «побуждение к действию» [11]. Данное определение не противоречит пониманию значения императива как «волеизъявления» [4. С. 57; 6. С. 250], так как первое определение дано с точки зрения адресата, второе – с точки зрения говорящего.

Литература

1. *Admoni W.G.* Der deutsche Sprachbau. Moskau, 1986.
2. *Schendels E.* Deutsche Grammatik. Moskau, 1988.
3. *Helbig G., Buscha J.* Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig etc., 1996.
4. *Erben J.* Abriss der deutschen Grammatik. Berlin, 1996.
5. *Schmidt W.* Grundfragen der deutschen Grammatik. Berlin, 1973.
6. *Jung W.* Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1996.
7. *Moskalskaja O.I.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Moskau, 2004.
8. *Glinz H.* Deutsche Grammatik I. Satz – Modus – Tempus. Frankfurt am Main, 1971.
9. *Ермолаева Л.С.* Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М., 1987.
10. *Eisenberg P.* Grundriss der deutschen Grammatik. Stuttgart; Weimar, 1994.
11. *Flämig W.* Grammatik des Deutschen. Einführung in Struktur- und Wirkungszusammenhänge. Berlin, 1998.
12. *Алисова Т.Е.* Очерки синтаксиса современного итальянского языка. Семантическая и грамматическая структура простого предложения. М., 1971.
13. *Schulz D.* Grammatik der deutschen Sprache. München, 1980.
14. *Седельников В.А.* О грамматических категориях простого предложения в современном русском языке // Исследования по современному русскому языку. М.: МГУ, 1980.
15. *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива. Л., 1986.
16. *Гухман М.М.* Готский язык. М., 1998.
17. *Braune W.* Althochdeutsche Grammatik. Halle/Saale, 1955.
18. *Бабаккина Т.Н.* Становление модальных глаголов как выразителей внутренней модальности в немецком языке (сопоставительный анализ готского, древне-, средне- и ранненововерхнемецкого языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 24 с.
19. *Жирмунский В.М.* История немецкого языка. М., 1956.
20. *Moskalskaja O.J.* Deutsche Sprachgeschichte. М., 2006.

Источники и принятые сокращения

- А.Н.** – Aue, Hartmann von. Der arme Heinrich: Mittelhochdt. Text und Übertragung. Frankfurt am Main, 1981.
- Mat.** – Das Matthäus-Evangelium // Die gotische Bibel. Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1908.
- Mrk.** – Das Markus-Evangelium // Die gotische Bibel. Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1908.

- Luk.** – Das Lukas-Evangelium // Die gotische Bibel. Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1908.
- Jhn.** – Das Johannes-Evangelium // Die gotische Bibel. Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1908.
- Röm.** – Der Römerbrief // Die gotische Bibel. Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1908.
- I. Kor.** – Der erste Korintherbrief // Die gotische Bibel. Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1908.
- II. Kor.** – Der zweite Korintherbrief // Die gotische Bibel. Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1908.
- N. B.** – Notkers des Deutschen Werke. Nach den Handschriften. Neu hrsg. von E.H. Sehrт und Taylor Strack. Halle/Saale: Niemeyer, 1933. Bd. I. Heft I. Boethius de consolatione philosophiae I und II.
- N. Ps. I.** – Notkers des Deutschen Werke. Nach den Handschriften. Neu hrsg. von E.H. Sehrт und Taylor Strack. Halle/Saale: Niemeyer, 1952. Bd. III. Teil I. Der Psalter.
- O.** – Otfrids Evangelienbuch. Hrsg. von O. Erdmann. Tübingen, 1973.
- T.** – Tatian. Lateinisch und altdeutsch mit ausführlichem Glossar. Hg. von E. Sievers. Paderborn, 1966.
- W.v.V.** – Walter von der Vogelweide. Die Lieder. Mittelhochdeutsch und in neuhochdeutscher Prosa. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972.
- Nib.** – Das Nibelungenlied: Zweisprachig. Hrsg. u. ubertr. von Helmut de Boor. Leipzig, 1992.
- Fst.** – Das Volksbuch vom Doktor Faust. Nach der um die Erfurter Geschichten vermehrten Fassung hrsg. und einged. von J. Fritz. Halle/Saale: Niemeyer, 1914.

THE FORMATION OF THE MORPHOLOGICAL CATEGORY OF VOLITION/NON-VOLITION IN THE GERMAN LANGUAGE

Zhukova N.S.

Summary. The article deals with the formation of the morphological category of volition/non-volition in the process of German language development, which explains the status of the imperative in Modern German as one of the members of the given category formed within the bounds of the mood category as a result of restructuring the whole modal system of the German language.

Key words: category, modality, opposition, volition/non-volition, evidentness/inevidentness, realis/irrealis.